

Иван Ваврен

SIOBHAN VIVIAN

The Last
Boy and Girl
in the World

ШИВАН ВИВЬЕН

Последние
парень и девушка
на Земле

РИПОЛ
КЛАССИК

Москва

УДК 82-31

ББК 84(7Сое)6-44

В41

Перевод с английского Е. С. Татищевой

Вивьен, Шиван

В41 Последние парень и девушка на Земле / Ш. Вивьен ; [пер. с англ. Е. С. Татищевой]. – М. : РИПОЛ классик, 2018. – 496 с.

ISBN 978-5-386-10307-1

Американская писательница Шиван Вивьен широко известна во всем мире благодаря бестселлеру «Список». Новый роман знаменитого автора – одна из самых трогательных, искренних и поразительных историй любви.

Всего за несколько дней сильнейшее наводнение практически уничтожило небольшой городок Эбердин. Взрослые собирают вещи, чтобы навсегда уехать из города, в то время как их дети решают повеселиться и провести последние минуты с друзьями.

Для шестнадцатилетней Кили главное – насладиться каждой минутой в Эбердине, пока его полностью не затопило. А еще признаться в своих чувствах парню, которого она всегда любила.

УДК 82-31

ББК 84(7Сое)6-44

ISBN 978-5-386-10307-1

The Last Boy and Girl in the World
Copyright © 2016 by Siobhan Vivian
Published by arrangement with Folio Literary
Management, LLC and Prava i Prevodi Literary
Agency.
© Татищева Е. С., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, перевод на русский
язык, оформление. ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2018

...Для Виви

Невозможно определить, что сейчас подо мной, над какой частью Эбердина я в эту минуту проплываю, но я все равно перегибаюсь через борт лодки и пытаюсь разглядеть хоть что-то из того, что осталось там, внизу. Может быть, белую беседку, что находилась напротив здания городского совета, ту самую, где поженились мои родители. Или детские качели, на противоположных концах которых мы с Морган, бывало, часами сидели летом после окончания восьмого класса и мечтали о том, как здорово нам будет в старших классах школы. Доска качелей была неподвижна, как скамейка в парке, потому что и она, и я весили одинаково — ровнехонько по сто два фунта. Увидеть бы сейчас ту обтрепанную мишурку из фольги, что висела на фонарных столбах на Главной улице круглый год и все же умудрялась блестеть, когда включали праздничную подсветку. Сейчас я была бы рада разглядеть даже какой-нибудь долбаный паркомат. Потому что мне отчаянно хочется увидеть что-то настояще, последний осязаемый предмет, находившийся в моем родном городе, которому я могу мысленно сказать «прощай навсегда» и передать те чувства, что сейчас владеют мною. Но я понятия не имею, над чем именно я сейчас нахожусь, потому что не могу разглядеть в тумной воде ничего, кроме своего собственного отражения.

— Поздравляю тебя, Кили.

Это говорит человек, который управляет спасательной лодкой, шериф Хемрик, а я и забыла, что он здесь.

Одной рукой он держит ручку лодочного электромотора, а другой бросает мне ветронепроницаемую куртку. Я вся дрожу как осиновый лист, так что надеваю ее сразу. На груди у нее красуется эмблема национальной гвардии, потому что Хемрик конечно же уже не шериф.

Наверное, потому, что я ничего не говорю в ответ, он резко продолжает:

— Официально считается, что ты последняя девушка, которая покинула Эбердин.

Я поворачиваюсь и смотрю вперед, пытаясь разглядеть спасательную лодку, на которой везут последнего покинувшего Эбердин парня, но она затерялась в тумане.

Когда я оборачиваюсь, шериф буравит меня взглядом:

— Неужели это и впрямь того стоило?

Судя по его тону, он искренне хочет это знать. Он просто не понимает.

Не успеваю я ответить, как оживает его рация. Сквозь шумы я слышу, как отрывисто переговариваются его товарищи-полицейские. Они говорят на полицейском жаргоне, так что я могу разобрать лишь то, нас ждут две полицейские машины, чтобы увезти прочь. Шериф делает звук тише и пытается сбросить владеющее им напряжение — вращает шеей, хрустит пальцами.

— Теперь это уже не важно. Эбердин официально перестал существовать. Отныне всем надо двигаться вперед и жить дальше.

Я по-прежнему дрожу, но уже не от холода.

— Некоторые из нас не желают двигаться вперед.

Несколько дней назад на этой неделе я напечатала в поисковой строке свой адрес и не получила никакого ответа. Напечатала свой почтовый индекс, и опять ничего. Мне пришлось поехать в соседний город, Хиллздей, открыть карту и подвести курсор к тому району, где должен был находиться наш город. Туда, где были улицы, на которых жи-

ли мои друзья, находились бейсбольная площадка, кинотеатр. Но даже те места, которые еще не ушли под воду, были закрашены синим.

— Когда становишься старше, ты начнешь смотреть на это иначе, — говорит шериф, уверенный в своей правоте и готовый дать мне отпор.

Но тут его внимание привлекает какой-то скрежет. Он вырубает мотор и поднимает пропеллер из воды. На лопасти намоталась чья-то выброшенная за ненадобностью футболька, словно сделанная из хлопка медузы.

Пока шериф распутывает ее, я устремляю взгляд вдаль, надеясь, что он поймет намек и наконец замолчит. Туман частично рассеивается под легким морским ветерком, и я могу рассмотреть торчащие из воды треугольники — островерхие крыши самых высоких домов в долине. Теперь, когда плотина уже возведена, им недолго оставаться на поверхности. Я вглядываюсь в ближайший дом. Крыша, крытая блестящим шифером и украшенная белой фестончатой кровельной плиткой. В этой крыше есть что-то знакомое. И когда мы медленно проплываем мимо, кусочек головоломки вдруг встает на место, и я узнаю то, что скрыто под водой.

Еще не поздно.

Я вскакиваю с места, лодка накреняется, и шериф едва не опрокидывается за корму.

— Мне надо попасть туда! В этот дом!

— А ну сядь! — Шериф рявкает это так строго, что я немедля подчиняюсь. — Ты и так уже провинилась, что, скажешь нет? — Он снимает свою бейсболку, выдыхает воздух и вытирает рукавом пот со лба. — Слушай, Кили, у меня больше нет прежнего влияния. Положение у меня уже не то. Если кто-нибудь будет тобой интересоваться — а это вполне вероятно, — я скажу, что ты хорошая девушка, просто упертая, так что...

Мое сердце начинает биться так быстро, что его удары, кажется, сливаются в один неясный гул.

— Шериф, ну пожалуйста! Пожалуйста! Потом меня уже никогда сюда не пустят, а если и пустят, его там уже не будет. — Я растягиваю губы в шутливой улыбке, надеясь умаслить его. — Неужели последняя девушка в Эбердине не заслуживает последнего маленького одолжения? — Прежде я умела хорошо играть эту роль. Но долго я не выдерживаю, и моя улыбка гаснет. Моя нижняя губа начинает дрожать, глаза наполняются слезами. — В этом доме жил человек, который очень много для меня значил, и сейчас я могу попасть туда в последний раз. — Я сглатываю стоящий в горле ком. — Я знаю, что должна отпустить прошлое и жить дальше, знаю, что все кончено, просто мне очень тяжело. — Я вытираю глаза. — Вы лучше, чем кто-либо другой, должны это понимать.

Шериф вдруг отводит глаза. Он больше не может смотреть на мои слезы. Он вздыхает, оглядывается по сторонам, чтобы удостовериться, что вокруг никого нет, и полностью выключает рацию:

— Ладно, давай, но никому об этом ни слова. И я не шучу. Я тру глаза тыльной стороной руки и энергично киваю.

Шериф изменяет курс и подводит лодку к месту, на которое я указываю, осторожно пробираясь среди плавающего по поверхности воды барахла: диванных подушек, герметичных пластиковых контейнеров, стульев из покинутых столовых, почтовых ящиков — остатков того, что раньше было чьей-то жизнью.

Когда мы подплываем вплотную к дому, я прижимаю руку к стеклу круглого оконца мансарды и заглядываю в спальню Морган в последний раз. Теперь эта комната, в которой мы так часто спали допоздна утром по субботам, наполовину заполнена темной водой.

Шериф Хемрик включает ручной фонарик и протягивает его мне: